

Гендеризированное пространство и политическое высказывание в Армении и Украине

**Анна Хвиль
Аревик Мартиросян**

Идея нашего исследования изначально заключалась в попытке посмотреть на динамику развития и реструктурирования публичного пространства в Армении и Украине с точки зрения гендерной составляющей общественных процессов. Исходя из личного опыта передвижения и существования в городе, а также участия в уличных акциях в Ереване и Киеве, мы решили сузить понимание публичного пространства до одного из его аспектов, а именно - возможности политического высказывания в публичном пространстве улиц и площадей. Нам было интересно проследить, как изменяются паттерны медиальной презентации, понимания, восприятия, воспроизведения и архивации высказываний в зависимости от гендерной идентичности высказывающегося субъекта. Проще говоря, речь будет идти о участии женщин* в акциях прямого действия на улицах Еревана и Киева. Мы постараемся осветить некоторые аспекты воспроизведения гендерной структурированности или гендеризированности публичного пространства.

На наше исследование повлияли локальные особенности ситуации 2014 года в Украине и Армении, а именно массовые протесты с применением насилия, вплоть до военных действий, в которых напрямую или опосредованно оказались задействованы значимые слои населения. Подобный контекст безусловно влияет на повестку общественных движений и практики протеста в публичном пространстве. Уточним, что под гендерно структурированным мы понимаем пространство, в котором определенные типы высказываний, поведения или самопозиционирования принимаются, считаются престижными или наоборот отвергаются, негативно санкционируются и блокируются в зависимости от гендерной принадлежности человека или группы людей. При этом стоит отметить, что речь идёт о структурных проявлениях патриархатного господства, поддерживаемых аппаратом насилия, опирающегося на разнообразные практики и установки. Кроме того, в процессе размышлений мы касались интернализованных понятий, таких как страх, чувство опасности и социальных конструктах с ними связанными, не ограничиваясь констатацией, но пытаясь представить групповые практики эмансипации и эмпауэрмента.

Риторика заботы и защиты о женщинах как ограничение

Полноценное, равноправное и активное участие женщин в жизни городов зачастую блокируется с помощью аргумента о принципиальной небезопасности публичного пространства. Публичное пространство внутри подобного дискурса конструируется как поле взаимодействия сильных самостоятельных субъектов — мужчин. Женщины же в рамках такой аргументации и логики предстают заведомо слабыми жертвами — объектами. Соответственно, воспринимаемые как поддерживающие легитимный общественный порядок и практики, предполагают невозможность самостоятельного существования женщин в публичном пространстве. Забота и защита проявляются не в том, чтобы обезопасить пространство и дать женщинам возможность быть активными субъектами, а в том, чтобы исключить их и предоставить публичное пространство в полное распоряжение мужчин, делая невозможной саму постановку вопроса об эмансипации и равноправии, закрепляя объективированное положение женщин и перераспределяя общественные ресурсы в пользу ещё большего развития инструментов контроля над ними. Попытки проблематизации подобных стратегий в медиа и публичных дискуссиях, также как и критик у данных установок тем сложнее представить легитимной аргументацией, чем больше ограничение и контроль поведения женщин заведомо интерпретируются как забота и защита. Так «стеклянный потолок», не позволяющий женщинам продвигаться по карьерной и социальной лестнице, оправдывается тем, что руководящие должности как «более стрессовые» небезопасны для здоровья женщин как более слабой группы.

Примеры подобной аргументации найти несложно. Так в 2010 году экс-премьер-министр Украины Николай Азаров прославился заявлением о том, что «политические реформы - не женское дело» и хотя он и сожалеет, что «не на кого посмотреть во время заседания», но в правительстве должны быть люди, которые «могут работать по 16 часов без выходных».

Идентичным способом происходит контроль и исключение в публичном пространстве - определенные районы и места считаются, то есть конструируются, как более опасные. И потому в целях защиты и заботы, женщинам «настоятельно не рекомендуют» там находиться. Когда женщина встречается с угрозой физического насилия на улице, в этом часто видят ее вину, поскольку она нарушила правила, конституирующие существующий общественный порядок, передвигаясь в «небезопасном» пространстве. Эскалация подобной установки может приводить к легитимации введения комендантского часа для женщин или прямого запрета на нахождение женщин в различных городских пространствах в принципе, как это происходит до сих пор в некоторых странах.

Патриархатное общество отвечает на сексуальное насилие, преследование, домогательства и другие формы злоупотреблений и насилия игнорированием, осуждением, отказом занять определённую позицию, недоверием или даже обвинениями потерпевшей в случившемся. С самого детства процесс женской социализации связан с интернализацией установки о том, что женщинам постоянно необходимо быть очень осмотрительными и принимать меры предосторожности, выходя на улицу в темное, а кое-где и в светлое время суток. При этом навязывается пассивная роль, тактика приспособления и принятия, вместо активного сопротивления и борьбы за право и возможность пользоваться публичным пространством наравне с мужчинами. Таким образом, вместо того, чтобы делать улицы более инклюзивными для всех, насилие легитимизируется, а женщины исключаются из полноценного участия в жизни города.

Опредмечивание и сексуализирование женского тела, которое конструируется как сексуально-объектное в наших странах сочетается с другой тенденцией - «одомашниванием» женщин, помещением их внутрь частной «домашней» сферы под предлогом защиты и заботы, поскольку пребывание в пространстве публичном в принципе небезопасно и потому нежелательно. Одновременно с этим происходит обратное перекалывание функций труда по общественному воспроизводству - ухода и заботы за детьми, в советское время бывших куда в большей степени прерогативой государственных структур, таких как детские сады и школы, в «женские руки». Детсады и школы в рамках нелиберальных реформ приватизируются, закрываются или всё в большей степени становятся платными, что усиливает классовые противоречия в обществе и переносит значительную часть общественно необходимого труда по воспроизводству в частное, «домашнее» пространство, ограничивая возможность женщин присутствовать и быть активными в публичном пространстве. Подобно тому, государство, распределяя «материнский капитал», институционализирует патриархат, так как право содержать предполагает и право контролировать.

Политические акции как переприсвоение опасных пространств и эмпауэрмент

*(Акция «Верни себе ночь» в Ереване)
фото Лары Ааронян*

Сражение за свободу должно начаться со сражения за свободу передвижения как первичное условие для какой бы то ни было свободы. В разных странах и городах феминистки организуют акции протеста под общим названием «Вернём себе ночь» («Take back the night»). Акции принимают различные формы, но имеют одну цель - обратить внимание на сексуальное и другие формы насилия по отношению к женщинам и посредством прямого действия переприсвоить публичное пространство или как минимум сделать видимыми и поставить под вопрос отношения власти в нём.

Один из первых маршей «Вернём себе ночь» прошёл в 1976 г. в Бельгии и был организован Международным трибуналом против преступлений против женщин (International Tribunal on Crimes against Women). В 1977 году в ночь с 30 апреля на 1 мая немецкие феминистки, участвующие в автономистском движении, провели марш под лозунгом «Права на свободу перемещения днем и ночью без угрозы изнасилования и домогательств». Нужно заметить, что именно в эту ночь, которую называют Вальпургиевой или иногда «Ночь ведьм», на улицах городов Германии распространены практики праздничных собраний, когда, как и в случае других массовых мероприятий, пространства в центре городов оказываются оккупированными огромным количеством мужчин, находящихся под воздействием алкоголя и ощущения праздничной вседозволенности.

Акция «Вернём себе ночь» в США впервые была организована 4 ноября 1977 году группой активисток «Женщины против насилия в порнографии и СМИ». Участницы прошли по кварталу красных фонарей в Сан-Франциско. Подобные акции обычно проходят в виде митингов, демонстраций, шествий, с громкими речами или безмолвными процессиями с зажженными свечами. В шествиях обычно участвуют только женщины*, как символ того, что

именно женщинам, без сопровождения мужчин, опасно находиться на улице в темное время суток, а также чтобы продемонстрировать, что, объединившись, женщины могут противостоять насилию и страху.

В 2013 году 11 марта в Ереване в рамках мероприятий «Ежедневное 8 марта» аффинити группа феминисток провела акцию протеста прямого действия «Вернем себе ночь». Большая группа женщин проводили марш по городу в тёмное время суток, ассоциируемое многими женщинами с повышенным риском изнасилования. Шествие прошло по тем местам, где действительно происходили случаи изнасилования и по местам, которые считаются опасными для женщин, если те будут одни - парки, подземные переходы, тёмные дворы. Примечательно, что некоторые участницы акции сами постепенно уходили домой, то есть покидали публичное пространство, поскольку было уже поздно. Были и участницы, которых сопровождали мужчины - их братья или партнеры, поскольку им было далеко добираться до места акции, что также лишним раз сделало видимой реальность повседневного существования этих женщин.

Однако не стоит забывать и о такой составляющей акции, как эмпауэрмент для участниц. Так, например, для всех оказалось очень важным важно вместе пройти через тоннель, расположенный в центре Еревана. Он представляет собой некое подобие подземного перехода длиной в несколько сотен метров. Бетонные стены и потолок, плохое освещение и общее ощущение заброшенности делают из него типичный для города пример небезопасного пространства. В ходе акции участницы прошли через него, таким образом, обозначив свое присутствие в этих пространствах в темноте.

В условиях патриархатного доминирования каждая женщина изолирована, и хотя многие женщины переживают одинаковые трудности, они одиноки. Совместные собрания для разговора на запретные темы, для возврата ранее закрытого публичного пространства — ночных улиц — являются важным первым шагом к созданию коллективной силы, способной изменить общество.

Ночь женской солидарности во время Майдана в Киеве

Не смотря на почти полное отсутствие освещения этой темы в западных СМИ, в зимних событиях 2013-2014 года в Киеве активное участие принимали феминистские и женские инициативы. Невидимость женского участия в протестных событиях прямо пропорционально увеличивалась вместе с тем, как действия со стороны правоохранительных органов становились все более насильственными.

После попытки штурма Майдана сотрудниками спецподразделений в ночь с 10 на 11 декабря 2013 года, в соцсетях начали появляться призывы к женщинам «оставаться дома». Не смотря на угрозу физического насилия, количество женщин на территории протеста оставалось прежним, но их роль становилась менее видимой в публичном дискурсе. Понимание участия в протесте начало сводиться к непосредственно физическому противостоянию. На площади можно было увидеть объявление вроде «Женщины если видите беспорядок - уберите, революционерам будет приятно». Противопоставление «женщин» как обслуживающей силы и «революционеров» под которыми понимались мужчины отражало существующее в обществе представление о гендерных ролях. Также часто можно было услышать, что женское пространство в рамках протеста связано с кухней. «Женщины, приготовьте бутерброды, пока мужчины вас защищают» - заявил публично один из активистов.

Как ответ на подобную риторику была организована «Ночь женской солидарности», во время которой женщины, участвующие в протестном движении, собрались в центре Майдана, тем самым нарушая предписанные для них границы. Участницы акции подготовили серию листовок с фотографиями женщин, задействованных в разнообразных активностях в рамках протеста - на них были изображены женщины, строящие баррикады, адвокатки, журналистки, врачи. Акция была организована участницами феминистских инициатив, но позиционировалась как женская, чтобы открыть возможность для широкого круга женщин принять в ней участие, включая и тех, кто не позиционирует себя как феминистки. Реакция на акцию была позитивной, информация о ней широко распространилась в СМИ, находящиеся на площади люди присоединялись к шествию.

Когда в январе 2014 протесты перешли в стадию активного противостояния и начались первые случаи со смертельным исходом, гендеризация пространства усилилась. Самоорганизованная охрана не впускала женщин на улицу Грушевского, где происходили стычки между протестующими и милицией. Женщины могли пройти только если они несли еду, или оказывали медицинскую помощь.

В это время, в рамках протеста возникла Женская сотня самообороны имени Ольги Кобылянской. Она была организована феминистками, задействованными в мирное время в исследовательской и журналистской работе. Женская сотня организовывала правозащитные события, акции и проводила занятия по самозащите для женщин. Стоит заметить, что СМИ часто подавали информацию об инициативе, акцентируя внимание на сексуализированном образе женщины-воина, тем самым вписывая участниц в контекст патриархального общества и отказывая им в реальном участии.

Невидимость женщины в ходе протестных акций

Мужчины с мегафоном. Протест в Машицо-парке. Фото:Фотолур

К сожалению протестные движения, в том числе декларирующие стремление к освобождению, и охотно использующие в своей риторике апелляцию к понятию свободы, оказываются не менее подвержены патриархатным предрассудкам. Женщины в ходе уличных акций, как и в мире патриархатной обыденности, оказываются практически невидимыми и лишёнными субъектности.

В абсолютном большинстве случаев роль говорящих от имени групп внутри движения выполняют мужчины. Женщина с мегафоном или на трибуне на уличной акции — большое исключение. Даже в ходе протестов на темы, в первую очередь затрагивающих женщин, выступают мужчины. Они раздают интервью и пишут экспертные статьи, апроприируя таким образом весь протест через умелое, хотя и не всегда осознаваемое, использование политик репрезентации. Но политика репрезентации — это не только активное вмешательство, но и выборочное внимание медиа, воспроизводящее патриархатные установки. Например, посмотрев в определённом смысле знаковый, созданный близкими к активизму людьми и претендующий на презентацию общественных движений фильм [«Публичное пространство в Армении»](#), вы не увидите активистки, высказывающей своё мнение или в какой бы то ни было форме являющуюся самостоятельным субъектом. Таким образом режиссёр и автор сценария мужчина подчеркнул свой собственный взгляд на то, кому дать слово и кого представить легитимными актёрами в поле публичной политики, способными не только действовать, но и осмыслять происходящие, лишённый раз отказав в такой способности активисткам женщинам.

Но так бывает не всегда. На первый взгляд, медиа даже полны изображений женщин с

публичных акций, однако они предстают на них обычно как исключительно эстетически ценный объект, что подчёркивается выбором таких женских образов в медиа, которые отвечали бы устоявшимся канонам мужского восприятия сексуализированных объектов. Эти изображения призваны эстетизировать протест и, как зачастую прямо говорят активисты-мужчины, «украшать его». Также под видом раскрепощённости и освобождения добавлять привлекательности публичному протесту должны образы, связанные с демонстрацией различных традиционно гетеросексуальных сексуализированных актов, вроде объятий и поцелуев на камеру. Говорить о субъектности женщин в таких случаях не приходится, здесь женщина — это дополнение к мужчине, фон и подставка-держатель для транспарантов и флагов.

У здания парламента в Ереване. Фото Врежа Затикяна

Разделение труда в ходе проведения и подготовки уличных акций

Уличные акции — это результат коллективной деятельности, в ходе которой различные участницы и участники могут добровольно и не только брать на себя выполнение различных задач. Распределение этих задач зачастую, если не всегда, отражает и воспроизводит структурные особенности гендерного разделения в обществе. Вопросами, решение которых часто проходит незамеченным и не обещает значимых дивидендов в плане публичности или доступа к перераспределению ресурсов, скорее попадающих в разряд деятельности по воспроизводству движения, часто занимаются женщины - это поиск юридического сопровождения при задержании, сбор контактов, информационная работа в социальных сетях и со СМИ, создание визуального оформления акции, организация собраний. Мужчины занимаются финансовыми вопросами, строят договоренности с полицией, принимают стратегические решения в экстремальных да и не только ситуациях в ходе публичных акций, а также дают оценки работе, сделанной женщинами.

Это положение дел вполне осознаётся мужской частью протестующих и не только не

признаётся проблематичным, но и всячески приветствуется. Сведение женщины к роли «украшения протеста» и эстетического обслуживания мужчин в открытую пропагандируется такими деятелями, как например политик известный в Армении как революционер Шант Арутюнян. О роли женщины в революции он высказался таким образом: «женщины должны передать мужчинам страсть и мотивацию, искать и видеть в каждом из них героя. «Мне многие говорят, что придут стоять со мной на баррикадах, я отвечаю — нет!»». В его интервью можно найти гораздо более обширные и откровенные высказывания на тему, которые однако никак не повлияли на широкое признание Арутюняна активистским сообществом. Более того, его женоненавистническая риторика перенимается и воспроизводится в ходе публичных акций и в медиа.

Восприятие «женских» акции в публичном пространстве

Медиа зачастую вовсе не обращают внимания на акции, проводимые женщинами. Полиция также зачастую рассматривает акции, в которых преимущественно принимают участие женщины, как заведомо безобидные и не заслуживающие внимания, поскольку женщины по логике полицейских в отсутствие мужчин в принципе не могут быть субъектом политики, не могут высказаться и не могут быть услышаны. То есть у женщин нет голоса. Например, 8 марта 2012 года в Ереване, когда во время протестов в Маштоц-парке женщины оккупировали строящийся бутик, работники правоохранительных органов были настолько ошеломлены тем, что женщины могут сами активно действовать, и не нашли ничего лучшего, чем начать дарить им цветы, чтобы предотвратить захват и пресечь протестную акцию.

8 марта 2012. Фото из архива движения Маштоц-парк

В ситуации, когда рядом стоят активистки и активисты, полицейские скорее будут спрашивать информацию об акции у активистов-мужчин. Если происходит задержание, в первую очередь полиция пытается задержать или нейтрализовать мужчин. Если посмотреть на списки политзаключенных в Армении, там окажутся одни мужчины. В основном мнимое состояние «безопасности» может существовать до тех пор, пока женщины остаются в тени. Но стоит им выйти за пределы предписанных «неопасных» и «женственных» практик, они тут же попадают не только под давление предназначенных всем политически активным субъектам санкций, но и санкционируются дополнительно за посягательство на сами структурные основы существующего в обществе социального порядка, в данном случае его патриархальной составляющей.

Например, уже несколько лет каждый четверг в Ереване матери солдат, убитых и замученных в армии старшими по званию или из-за «дедовщины», делают протестные акции напротив здания правительства. Поскольку они поднимают табуированную в обществе тему, со стороны полиции постоянно повторяются попытки применения физического насилия, несмотря на то, что демонстрантки казалось бы располагают символическим капиталом, который даёт им образ матери в патриархальном обществе. Во время одной из подобных акций, протестующие женщины, солдатские матери растоптали фотографию президента Армении, в знак протеста против того, что он не выполнил обещания, что будет лично следить за расследованиями убийств их сыновей. В ответ, полицейские применили насилие, пояснив, что для них подобные действия - это оскорбление.

*Солдатские матери перед зданием правительства.
Ереван. Фото Светланы Антонян*

Реакция на участие женщин в политических акциях зачастую сводится к фразам «Идите домой, что вы тут делаете, нормальная, воспитанная, армянская женщина должна быть дома, а не на улице, стыдитесь». В полицейском участке активисток лишний раз пытаются

стигматизировать через апелляцию к несоответствующему для женщины поведению, рассказывая, какие они «испорченные, неуместные, ненужные и неправильные», как они подрывают возможность существования государства и нации, а то и сам ход истории. Активисток при этом сравнивают с другими женщинами, в этом случае полицейскими, которые напротив - порядочные, серьезные, воспитанные и правильные замужние женщины. На них держится государство, а мужчины полицейские вынуждены для их защиты задерживать и преследовать других женщин — активисток, которые опять же являются внутренними врагами и позорят нацию.

В 2013 году, после акции против незаконной застройки на улице Комитас 5 активную дискуссию в медиа вызвали фотографии и видеозаписи, на которых видно, как мужчина-полицейский в ходе потасовки произвёл в отношении женщины-активистки насильственный жест, отдалённо напоминающим поцелуй. С одной стороны, фотографию использовали в медиа с целью показать другим женщинам, что может произойти с ними, если они будут ходить на акции, то есть фактически латентно угрожали изнасилованием. В таких случаях использовалась распространённая риторика обвинения жертвы. Подразумевалось, что женщина сама виновата, поскольку изначально не должна была посещать никаких публичных акций. А с другой стороны, представители официальной власти публично прокомментировали происшедшее, представив дело таким образом, как будто никаких насильственных действий совершено не было, да и что плохого, если «армянский мужчина целует армянскую женщину», представив таким образом женщину в очередной раз объектом «любви», который в любых обстоятельствах должен быть доступен мужчине, даже если женщина активно сопротивляется.

Комитас 5, Кадр из видео

Как видно из вышеописанного, пространственное исключение отражает те исключения, которые существуют и на других уровнях, а интернализированный страх и структурное насилие не позволяют женщине быть активной в социальной жизни. Страх как социальный конструкт передается в процессе социализации и поддерживается всеми общественными институтами, пронизывая всё поле социального взаимодействия. Общественное или публичное пространство воспринимается как враждебное и контролируется в рамках патриархатного перераспределения власти и ресурсов. В странах постсоветского пространства внимание к вопросу сексуального, а тем более структурного насилия над женщинами отсутствует. Более того, оно зачастую не воспринимается как негативное, поскольку нормативные установки подразумевают, что любое внимание мужчин в любой форме — заведомо приятно и легитимно. Изменить ситуацию можно путём создания или переприсвоения отдельных пространств для женщин, где они смогли бы отрефлексировать свой собственный женский опыт, обмениваться и аккумулировать ресурсы и найти механизмы выхода из ситуации.